

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Профессор Базилевич обнаружил в Киеве подлинник известного стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем».

Подлинник будет напечатан в пушкинском номере «Литературного наследства».

К предстоящему 125-летию со дня рождения Гоголя в Полтаве приступлено к сооружению памятника писателю. Памятник будет состоять из бюста Гоголя, установленного на массивном пьедестале.

Дневник Литературной газеты

28 марта

Первая книга полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина вышла в ГИХЛ (Ленинградское отделение). Вторым вышел второй том, включающий «Губернские очерки». Редакторы, аступительная статья и комментарий к тому П. Лепешинского. Редакторы текста Б. Эйхенбаум и К. Халабаев. Возглавлял работу по подготовке издания М. Ольминский, о смерти которого сообщается в статье П. Лепешинского, предисловий к тому.

Судя по вышедшему тому, это издание представляет собой нечто принципиально отличное от полных собраний сочинений, выходящих у нас до сих пор. Эти собрания делались на два основных вида: на издания академические и массовые. Академические издания были исчерпывающими и в смысле полноты текста, и в распространности комментариев и примечаний. Массовые издания были неполными и без сколько-нибудь удовлетворительной научной аппаратуры. Кроме того первые были чрезмерно дорогими, а вторые плохо оформлены.

Собрание сочинений, о котором здесь идет речь, представляет собой нечто среднее между указанными типами изданий. Выпущенное тиражом в 20 тысяч экземпляров, прекрасно оформленное и недорогое, оно, по-видимому, рассчитано на квалифицированного читателя — кадетерно, неизмеримо выросшую у нас за последние время.

Помимо непонятных возражений В. Десницкого, напечатанная статья об этом издании в № 10 «Литературного Ленинграда». Весьма спорна необходимость популяризации, на которой настаивает В. Десницкий, говоря о аступительной статье П. Лепешинского, и далеко не бесспорна необходимость громоздких комментариев, на которых он настаивает.

В. Десницкий ставит вопрос ребром: «...с каким типом издания мы имеем дело. С популярно-массовым или академическим?».

«Академическим», — отвечает он сам. Выпущен новый тип подлинных собраний сочинений, рассчитанных на новую читательскую категорию.

Снимает ли это вопрос о необходимости академического издания Салтыкова-Щедрина? Разумеется, не снимает. Работа по подготовке его должна вестись, и значительная часть этой работы, судя по выпущенному изданию, уже сделана.

Квалифицированный читатель, ставший недорогим, прекрасно оформленное и текстологически бесспорное собрание сочинений величайшего сатирика.

Развитие и рост тонфильма со всей серьезностью ставит вопрос о слове в говорящем кино. Почти каждый фильм вызывает у нас ввиду диспуты и статьи, обсуждающие и идейную концепцию фильма и его

По телефону и телеграфу

ПУШКИН-АКАДЕМИК

ЛЕНИНГРАД. (По телефону). Сотрудник архива Академии наук Моздалевский разыскал новые материалы об избрании ститудлярного советника Пушкина членом Российской академии 7 января 1833 г. Российская академия была основана в 1783 г. как самостоятельное учреждение, разработавшее вопросы изыскательской деятельности, как гласил ее устав, для содействия обогащения русского языка». После смерти президента Шишкова Академия закрылась как самостоятельное учреждение и в 1841 году целиком вошла в состав Академии наук.

Избрание Пушкина членом Российской академии произошло по предложению Шишкова. Пушкин получил абсолютное (15) число избирательных голосов. После своего избрания в члены Академии Пушкин прилежно посещал ее заседания. Он весьма серьезно смотрел на труды и обязанности ученого сословия, о чем свидетельствуют его статьи: «Российская академия» («О» мнения М. Е. Лобанова). Однако из высказываний Пушкина о Российской академии в дневниках и письмах видно, что он отнюдь не относился как к деятельности Академии в целом, так и к некоторым ее членам и ее главе Шишкову.

Позднее перестал посещать заседания Академии. Из современных Пушкину писателей членом Академии остался баснописец Крылов, Хвостов, Востоков, Катендас, Загоскин, Языков и др.

ПОДГОТОВКА к СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ В БССР

МИНСК. (По телеграфу). Оргкомитет Союза советских писателей БССР активно готовится к всебелорусскому и всесоюзному съезду писателей. В центре БССР проводится литературные вечера. 22 марта закончилось всебелорусское собрание молодых прозаиков. В начале апреля созывается всебелорусское совещание ударников-литераторов.

СОВРЕМЕННЫЙ ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

К 25-ЛЕТИЮ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭРТУГУЛА МУХСИНА

Предтечи современного турецкого театра — карагез, меллахи, орта ойну почти уже отошли в прошлое. Правда, в жаркий летний день, свернув с шумной улицы в тихий переулок, можно еще иногда понаблюдать в кофейню с садиком, где под открытым небом, без декораций, только при наличии ширмы и стула, с мужчинами в женских ролях дается представление «орта онну», своеобразной commedia dell'arte. Зрители, сидящие за чашечкой кофе, жадно следят за развертыванием хода действия, за игрой слов, за воспроизведением наречий разных национальностей.

В дождливые осенние вечера опять в кофейню случается наглотаться на меллаха с традиционным полотенцем на плече и палкой в руке, рассказчика анекдотов и затейливых историй, с изумительным искусством воспроизводящего голоса всех действующих лиц.

Наконец, главным образом в дни рамозана, кое-где можно увидеть представление карагеза, теневого театра, когда на экране показываются раскрашенные фигурки персонажей разыгрываемой пьесы, причем она сопровождается соответствующим текстом в передаче марионетчика.

Но кино и театр постепенно стали отбрасывать эти виды зрелищ в отдаленные, глухие углы страны.

Зарождение турецкого театра можно отнести к эпохе после танзимата, когда ставились, между прочим, пьесы Мольера в переводе и переложении Ахмед Вефихи пашы. В царствование Абдул Гаида с некоторыми переизменениями, вызванными черной реакцией, протекает деятельность труппы, основанной А. Манухьяном, труппы, где работал знаменитый комик Ахмед Фехим Эренди.

Эта труппа ставила мелодрамы, переведенные с французского и других

языков. После объявления конституции 1908 г. появилось еще несколько трупп любительского характера. Наконец, в 1914 г. основывается театральная школа Дарюльбеда, при чем к работе в ней привлекается Антуан, который, однако, в связи с началом войны скоро возвращается во Францию.

На базе этой школы возникает частная труппа, которая и положила начало единственному в Турции современному театру в полном смысле этого слова. Недавно этот театр был переименован в Стамбульский городской театр.

С 1927 года им руководит Эртугул Мухсин. В краткой статье трудно передать то громадное значение, которое он сыграл в истории турецкого театра.

Человек большой театральной культуры, внимательно пытливым изучавший постановки в Москве, Берлине, Париже, проявляющий исключительный интерес к работам наших советских театров, а также передовых западно-европейских мастеров, отличающийся широкой инициативой и организаторскими способностями, он сумел поднять общую культуру театра, освободить его от слепого подражания французскому театру, значительно повысить качество репертуара, обогатить его произведениями мировой литературы и подняв на большую высоту актерскую игру.

Эртугул Мухсин, впитав в себя все наиболее ценное, что дал современный театр, реалистически интерпретируя пьесы, развернул большую работу по реорганизации турецкого театра.

Репертуар этого театра складывается из оригинальных и переведенных пьес, а также переложений. Так, в

1931-32 г. было дано 23 постановки, из них 5 оригинальных пьес, одна классическая, остальные — переводы или переложения. В репертуаре преобладает комедия.

Интерес у зрителя к театру, руководимому Эртугулом Мухсином, растет из года в год: так, в 1927—28 гг. его посетили 30 тысяч зрителей, а в 1930—31 гг. — 70 тысяч.

Надо отметить, что каждую весну театр выезжает в турне в Анкару, а также в Анатолию. Эртугул Мухсин является также владельцем театральное журнала «Дарюльбеда», который уделяет внимание и советскому театру.

Наконец, Эртугул Мухсин сыграл выдающуюся роль и в создании турецкого фильма.

Первые попытки к созданию турецкого фильма были сделаны незадолго до империалистической войны. В 1922 г. было создано несколько фильмов, главным образом националистического характера. В 1931 г. был создан первый звуковой фильм.

Режиссером многих фильмов является Эртугул Мухсин, выступавший также и в качестве киноактера. Ему удалось и в кино, как и в театре, поднять уровень турецкого фильма, несмотря на отсталую кинотехнику Турции.

Отметим в заключение, что Эртугул Мухсин в бытность свою в СССР поставил фильмы «Спартак» и «Тамилла».

Надо надеяться, что под талантливым руководством Эртугула Мухсины молодой турецкий театр поднимется на еще большую высоту и запишет новые достижения в свою историю.

Д. МАГАЗАНИК И МИХ. МИХАЙЛОВ.

Рис. Е. Окс.

Дом № 7-а по Никитскому бульвару, в котором жил и умер Н. В. Гоголь (очерк об этом см. на 4-й стр.)

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИРИКИ ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИСЛАВА БРОНЕВСКОГО

Владислав Броневский не только один из лучших поэтов современной Польши и один из талантливейших представителей мировой революционной поэзии, но и в то же время принадлежит к числу лучших представителей зарубежной интеллигенции.

Броневскому сейчас тридцать шесть лет, и он принадлежит к тому поколению польской интеллигенции, значительная часть которой воспиталась под знаменем борьбы с царизмом и для которой борьба за освобождение Польши отождествлялась с борьбой за освобождение человечества.

Именно эта часть польской интеллигенции в первые годы империалистической войны, не без влияния фашистской теперь ППС, увидела «вождя» в лице организатора стрелецких легионов Иосифа Пилсудского, и Броневский вместе с сотнями других «мечтателей», семнадцатилетним юношей пошел в эти легионы и со страстным порывом отдался борьбе.

Пять лет империалистической войны отрезали ему, Лучшая часть мировой интеллигенции поняла свои заблуждения, и вчерашние участники войны стали самими яростными и непримиримыми ее противниками. Этот процесс произошел и среди вчерашних легионеров Пилсудского.

Владислав Броневский долго шел с легионами, но когда он после семи лет фронтовой жизни вернулся в Варшаву, он почувствовал то глубокое разочарование, которое легло в основу передела мировоззрения многих и многих интеллигентов в капиталистических странах. Свою первую книгу стихов «Ветряные мельницы» он открыл стихотворением «Молодость», являющимся лирическим прощанием поэта со своим прошлым.

Броневский после семи лет войны остался с чудовищной, мучительной пустотой, с глубокой, но непродуманной ненавистью к войне и ее зачинщикам, с молодыми силами,

готовыми к борьбе против строя, рождающего эти войны. Между тем периодом и нынешним днем, когда Броневский в рядах революционного пролетариата борется за его полную и окончательную победу, лежат тяжелые бессонные ночи, мучительные раздумья, тревожные смятения. Сегодня этот путь пройден, и надо взглянуть на него через мастерские стихи Броневского, чтобы понять и оценить творчество этого талантливого поэта и увидеть, как сияние с пролетарской борьбой наполняет уверенность и бодростью.

Первый период творчества Броневского идет по двум основным направлениям — поэт выражает свой протест против войны, поэт исповедуется в мучительной внутренней борьбе за ту точку опоры, которая дала бы ему возможность перевести мир, старый обреченный мир, принесший столько бед и разочарований.

Протест против войны звучит сильно и грозно в стихах Броневского. Он пишет поему «Последняя война», это война миллионов солдат, погибших во время империалистической войны и вставших из братских могил, чтобы отомстить за свою смерть.

Шли Площадям Пляски за полками — Безликие, стигившие в толще земли. Битвы развезались, как черное знамя, И черные рыны на бжах щели.

Броневский уже осознал, что мир надо сделать по-новому, но ни пути этой перестройки, ни конечная цель этой перестройки ему еще не ясны. «Я приведу вас в страну новую, на родину, где победила любовь», — пишет он в стихотворении «Неизвестный солдат». Мечты о любви владеют поэтом

как протест против ненависти, которую посеяла война. Мучительная боль, разочарование, отчаяние, которыми проникнуты его лирические стихи того периода — вторая линия творчества.

Нет выхода, нет выхода, нет выхода, — пишет он в стихотворении «Путь беспросветен и длинен. Я — ветер, шелестящий в листьях, Я — лист погубленный в пучине-пучине». Броневский в стихотворении «Октябрь». Он чувствует себя обреченным, но он не хочет погнубиться и он кричит («Не знаю!»).

Надо идти, вырваться надо, Надо бежать, избежать поражения. Где найти молодость, радость, Где найти любовь и спасенье? Такими настроениями пропитаны и многие другие стихи Броневского в этот период. Но Броневский скинул форму легионера не затем, чтобы начать новую борьбу. «Противный болью и гневом, я гнев нес и болью кричу», — пишет он в том же стихотворении «Не знаю». И с каждым шагом своего поэтического творчества он находит пути, чтобы стих свой — оружие, которое он принес с собой для новой борьбы, — сделать наиболее действенным, метким, разящим.

Поэту оставалось сделать один шаг, — конечно, значительный, трудный и ответственный, — чтобы найти свое место в новой борьбе, которой он отдался, чтобы превратить свою песню в оружие революции, чтобы стать солдатом и певцом революции. И он этот шаг сделал.

После первого периода бесплодных блужданий по шумным городским улицам «в поисках любви и правды» Броневский стал все теснее сближаться с революционной борьбой пролетариата, все глубже

проникался великими идеями коммунизма. В 1925 году Броневский был одним из организаторов группы революционных поэтов «Три звезды», и в 1926 г. он стал членом этой группы.

Рост идейности определил рост художественности произведений Броневского.

Броневский — лирический поэт, поэт глубоких эмоций и высокой напряженности, поэт большой культуры и мастерства.

Слово для Броневского — его революционное оружие, песня революционного поэта должна быть наполнена радостью грядущей победы, должна звать к борьбе за эту победу, давать силы для этой борьбы. Но как наполнить песню радостью, когда поэт видит и чувствует вся тяжесть существования миллионов масс в условиях капиталистического гнета, когда поэт видит, чувствует, испытывает этот гнет на самом себе. Песня зазвенит полноточной радостью, когда пролетарий победит и утвердит новый общественный строй. Но где найти теперь эти быстрые слова, эти радостные звучания? Побороть этот внутренний кризис поэт сумел только благодаря росту своей идейности.

Шаг за шагом Броневский преодолевает свое разочарование и отчаяние. Он уже знает, где найти молодость, радость, где найти любовь и спасенье.

Есть жизнь прекрасная, новая. И жить стою, и умирать стою. Надо нести голову, как знамя, Светить грубую, расстрелянную пулями.

Так пишет он в своем стихотворении «На смерть революционера», и эта уверенность все настойчивее вытесняет настроения безысходности и отчаяния. Он уверен, что «еще будет светлей и прекрасней, будет радость и будет песнь» («Широко», и он знает уже, какими

путями идти к этому будущему («Законодателями»);

История. Завтра снова в бой, Насильем на насилье отвечаю. Прянет тебе, о, туча, грозная. Благоловен зарницы блеск живой.

Эта глубокая вера идейного борца уничтожила прежние смятение и страх. Теперь он уже не боится поражения, он готов идти в бой — даже один против миллионов.

Это не значит, что теперь поэт перестал видеть все то ужасное, что несет с собой капиталистический гнет, что он не видит преград, стоящих на пути к победе, к радости, к песне, олицетворяющей эту победу. Нет, он видит все это с прежней отчетливостью, но по-иному воспринимает это («Лодзь»):

Сильными и смелым, кто угроза! Путь наш к победе сегодня короткий. Радуйся, сердце, песне о Лодзи, Выварной гневом у пенуэры из глотки.

Каждая новая песня все совершеннее, все звучнее, все радостнее. Удивительно ли, что у него, испытывшего за эти годы лишения и страдания (он был арестован вместе с другими революционными писателями и посажен в тюрьму), порою вырываются и такие строки: «В жизни не прошла и половины пути, а отчаяние по всем углам притаилось» («Родные места»). Но когда он теперь возвращается мыслью к прошлому, вспоминает «старый дом с палисадником на высоком холме Мазовенком», он знает, он чувствует, что порваны внутренние нити, связывавшие его с ним.

В лирических стихах Броневского наша критика часто готова видеть удачливость, «не вполне преодоленный романтизм (к чему, собственно, Броневскому преодолеть романтизм? М. Ж.) и субъективный

Владислав БРОНЕВСКИЙ ЛУНА с ПАВЪЕЙ УЛИЦЫ

Красная луна с улицы Павей, Желтая, как еврейская хала, О том, что есть портной Исаак Гуткинд в Варшаве, Абсолютно ничего не знала. Как луна на всем земном шаре, Она появлялась ночью и утром исчезала снова. Тогда открывал мастерскую отец его старый И трамваи грохотали на Муранове. Двор для Исека был университетом, Двор, где ютилась варшавская нужда, Грязь и гомон стояли там зимою и летом, И Исек подрос — кто его знает когда. Тяжелая жизнь — кусок селедки и хлеба, Неделями ничего другого, право. Очень грустно глядела с неба Красивая луна с улицы Павей. Маленький Исек быстро рос — Каждому детство по-иному отмерено, И в одиннадцать лет был решен вопрос: Исек стал портняжым подмастерьем.

Шил и бился над мыслью бесплодной: — Пришить бы луну, как пуговницу из золота... А уют уже стал совсем холодный, И отец кричал: «Живей, ну и вырос олухом!»

Года три или четыре так промелькнуло, Дни росли, как на заплате заплат. Отец шил, года четыре лягу тушу он И внезапно умер на пятом.

Жизнь человека — она очень тяжкая, Надо долго и долго учиться жить, А Исек Гуткинд, маленький портняжка, Что он умел? — только шить.

Но он часто сидел над книжкой И узнавал очень много нового, И очень много ему рассказывали парнишки Из профсоюза на Муранове.

А портные, что живут на Налевках, На Павей, на Дикой, на Гусевей, Научили его, как надо бороться с издевками, Если ты не предашь и не трусы ты. В книжках были слова незнакомые. Исек расспрашивал об их значении: Что такое политическая экономия, Классы, эксплуатация, накопление. И объясняли ему портные постарше, За что кровь рабочая пенится, Рассказали ему все о Марксе, О Либкнехте, о Розе, о Ленине. Профсоюз начал упорно драться Против нового снижения зарплаты, Объявлял стачку и вышел демонстрацией революционного пролетариата. Исек Гуткинд стоял с транспарантом, Когда тучей полиция нагрянула. В тот день Исек не пришел домой обратно, Его увели в тюрьму с улицы раненого. Четвертый год Исек сидит за решеткой, А там на воле светит так коротко Красивая луна с улицы Павей. Заглядывает в окошко и двинется дальше. Светить на Дикой и Кармелитской, Что она знает об этом мальчишке? Кто из нас знает, что теперь с Исеком? В Павике портных целая пачка, Жизнь играет с человеком предельно шутки. Еще год... На Муранове новую стачку Организует товарищ Гуткинд.

POST SCRIPTUM Исек мне недавно записку прислал С просьбой, как и раньше, такой простой: «Товарищ Броневский, напишите, пожалуйста, О нашей камере двадцать шестой...» Перевод с польского М. ЖИВОВА.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА. Павья, Муранов, Дикая, Гусья, Налевки, Кармелитская — улицы Варшавы, на которых живет еврейская беднота. Павик — название тюрьмы, находящейся на Павей улице.

ЛИРИЗМ (Ст. Станде), признаки того, что «прелюбо» слайшком крепко держит его Броневского» (Т. Домбаля). Приведенные строки могут служить ответом этим критикам.

Броневский в своих стихах не скрывает, что не всегда лется радостная песня, а иногда «хриплые критики врезаются в ночь». Но он с твердостью революционера говорит:

Но и в криках тех—молодость, сила. Гром, если грянет, он не страшен мне. Этому миру я не дам ни милость, Старому миру я крикну: нет!

Его прекрасное, глубоко лирическое стихотворение «Магнитогорск, или разговор с Яном» (1933), написанное в результате ареста его и товарищей по работе в организованном им журнале «Литературный еженежник», — яркий пример революционного лиризма. В долгоую серую ночь тюремного заключения Ян взвремил, прислонившись к стене грязной камеры. В камеру вползали утренние сумерки, когда Ян проснулся. «Знаешь», — говорит, — в Магнитогорске сегодня задувают лед новых печей. И Броневский пишет дальше.

И я подумал, как жизнь красива даже в этой паршивой тринадцатой камере.

Владислав Броневский приехал в СССР, «в страну иную, на родину, где победила любовь». Он совершает поездку по Советскому союзу, чтобы воочию увидеть результаты побед советского пролетариата, строящего социалистическое общество. Пребывание у нас даст ему новую зарядку бодрости, сделает его более редкими настроениями тоски и печали и наполнит новой радостью его звучные песни.

М. ЖИВОВ.

ОТКРОВЕНИЯ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

«Японский пейзаж» - рисунок худ. А. Каневского из первой книги альманаха «Молодость» (Молодая Гвардия).

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

Читатель активно выслушал в дискуссию о языке. Присланы десятки писем, и поток их не протухает...

Отдаются самые разнообразные слои читателей — преимущественно колхозники и рабочие. Вопрос о языке сложный, требующий широких знаний и литературной подготовки...

Каждый читатель вносит свой вклад в дискуссию. Многие читатели отмечают, что язык в произведениях должен быть доступным и понятным...

Вот и ждем! Он — начинающий писатель и задумал написать книгу о новой деревне, естественно, явился за изучением ведущих произведений на эту тему...

М. Б.

размахивать головешками. Критиковать нужно строго, но честно, не подсовывая критикуемому, то чего у него нет. Кстати, Толстой пытался изобразить выступления Горького совсем не так, как их восприняли писатели...

Как и всем, Панферову, конечно, нужно внимательно прислушаться к конкретным критическим замечаниям. Только тот, кто борется за искусство революции, кто самоупокоился, может быть недовольным критикой его произведений...

У Панферова провинциализм ярвится в авторский текст, — это очень плохо. Но это ему указывал в своих статьях А. М. Горький и указывал правильно и без пользы для самого Панферова...

В Книжке Жданкина, в живой ткани этого образа Панферов показал, каких людей выковывает наша партия из «мушкетерского сырья»...

И потому, что Панферов нам дорог как писатель революции, мы не позволим себе, как это легко делается вы, Толстой, бросать головешки в книгу, ставящую достоянием миллионов...

Книги Шолохова, Панферова, Шукшина живут и будут жить до тех пор, пока не появится художник, который, вернувшись к прошлому, спокойно исследует материалы, ставшие достоянием истории...

В. ИЛЬЕНКОВ.

В своей небольшой, но очень прозрачной статье «Нужна ли мужская сила?» А. Толстой с предельной ясностью и категоричностью высказался о советской литературе. Озабоченный поддержанием славы и величия русской литературы...

И вот приходит Толстой и заявляет: «Ничего нет, ничего и не было. Кто же ему поверит? Не поверит ему читатель, который прекрасно умеет разбираться сам и которому не подсушить книгу, которая далека от жизни...

Нужно не дискутировать, а разоблачать неправдивые политические и по существу утверждения Толстого, который лет водю на мельничью врага, хочет или не хочет об этом.

Вы утверждаете, Толстой, что революция была способна лишь загромождать развитие русской литературы, давшей миру такие имена, как Лев Толстой, Достоевский, Пушкин...

Советская литература вызывает к себе глубочайший интерес у зарубежного читателя, но мы далеки от того, чтобы считать, что все сделано. Именно потому, что произведения советских писателей оказывают такое огромное организующее и воспитательное значение на массового читателя...

Вы пишете: «Сегодня мы намерены вывозить науку, философию, наши идеи, превращенные в живые формы нашего героического времени...»

Вы не можете отрицать того факта, что «Разгром», «Поднятая целина», «Семь», «Бруски» переведены на все языки, что германские рабочие, заключенные в концлагерях, читают Панферова...

Сколько барства в ваших рассуждениях! Работают в революционном лагере, Толстой! О работнике, который там же, в лагере, читает Гете, Спινόзу, Киплинга и преклоняется перед творениями Маркса, Ленина, Сталина...

А что вы скажете, Толстой, о произведениях Маяковского? О произведениях Д. Бедного? Мы привели лишь незначительную часть произведений, созданных в годы революции, насыщенных ее боевым духом и стоящих на высоком уровне мастерства...

Вот и ждем! Он — начинающий писатель и задумал написать книгу о новой деревне, естественно, явился за изучением ведущих произведений на эту тему...

В своей небольшой, но очень прозрачной статье «Нужна ли мужская сила?» А. Толстой с предельной ясностью и категоричностью высказался о советской литературе. Озабоченный поддержанием славы и величия русской литературы...

И вот приходит Толстой и заявляет: «Ничего нет, ничего и не было. Кто же ему поверит? Не поверит ему читатель, который прекрасно умеет разбираться сам и которому не подсушить книгу, которая далека от жизни...

Нужно не дискутировать, а разоблачать неправдивые политические и по существу утверждения Толстого, который лет водю на мельничью врага, хочет или не хочет об этом.

Вы утверждаете, Толстой, что революция была способна лишь загромождать развитие русской литературы, давшей миру такие имена, как Лев Толстой, Достоевский, Пушкин...

Советская литература вызывает к себе глубочайший интерес у зарубежного читателя, но мы далеки от того, чтобы считать, что все сделано. Именно потому, что произведения советских писателей оказывают такое огромное организующее и воспитательное значение на массового читателя...

Вы пишете: «Сегодня мы намерены вывозить науку, философию, наши идеи, превращенные в живые формы нашего героического времени...»

Вы не можете отрицать того факта, что «Разгром», «Поднятая целина», «Семь», «Бруски» переведены на все языки, что германские рабочие, заключенные в концлагерях, читают Панферова...

Сколько барства в ваших рассуждениях! Работают в революционном лагере, Толстой! О работнике, который там же, в лагере, читает Гете, Спινόзу, Киплинга и преклоняется перед творениями Маркса, Ленина, Сталина...

А что вы скажете, Толстой, о произведениях Маяковского? О произведениях Д. Бедного? Мы привели лишь незначительную часть произведений, созданных в годы революции, насыщенных ее боевым духом и стоящих на высоком уровне мастерства...

Вот и ждем! Он — начинающий писатель и задумал написать книгу о новой деревне, естественно, явился за изучением ведущих произведений на эту тему...

М. СЕРБИНСКИИ

К ДИСКУССИИ О „БРУСКАХ“

Роману Ф. Панферова критиками было посвящено несколько больших статей. Но настоящие, подлинное обсуждение «Брусков», которое может и должно быть плодотворным для всей советской литературы...

Статья А. М. Горького была справедливым упреком тем критикам, которые не сумели на материале романа Ф. Панферова выдвинуть основные творческие проблемы советской литературы в эпоху построения бесклассового социалистического общества.

Оставим в стороне пустое и пародийное приращивание Ф. Панферова к Вильямсу, Толстому или Гончарову. В этих утверждениях, в которых воплотилась, достигая кульминационного пункта, переход в свою противоположность...

Ф. Панферова, на которые критика обидна ему указать. Настоящую акцентуацию в своем творчестве значением практикам для правдивого изображения общественной жизни...

В статье товарищей нет правильного понимания того факта, что художники прошлого по-разному подходили к проблеме крестьянства, что между Некрасовым, Чернышевским, Успенским, с одной стороны, Толстым и Гончаровым — с другой, было то существенное различие...

Суть дела заключается не только в том, что М. Шолохов — более крупный и более яркое художественное дарование, чем Ф. Панферов. Стоит сравнить «Бруски» Ф. Панферова или «Поднятой целины» М. Шолохова или «Невзлюбил» Ив. Шукхова...

деревенской точки зрения. Он не только ломает весь строй старых представлений, но и заставляет впервые интенсивно, чем до сих пор, и в более широких масштабах, доводить каждого колхозника на практике до правильного понимания и осознания своего места и места каждого трудящегося в этой всемирно-исторической борьбе...

В романе М. Шолохова один из его основных героев, Кондрат Майдаников, на деле, на практике, приходит к правильному пониманию объективной связи, существующей между коллективизацией в советской стране и борьбой международного пролетариата.

Возьмем хотя бы такую проблему, как интернациональное значение колхозного движения, которое, в качестве живого примера, является величайшим фактором в деле революционного подъема на пролетарском и на крестьянском всего мира и на крестьянство некоторых отсталых народностей Советского Союза.

практики, заметить и отразить в художественной форме те новые, типичные черты сознания, которые уже появились у огромных масс людей, активно участвующих в борьбе за новую жизнь.

Эту черту социалистического сознания должен был в первую очередь воплотить образ Кирилла Жданкина, который как будто лучше других, в романе, способен был подняться и охватить полные масштабы и значение коллективизации. Но даже Кирилл Жданкин не подымается на эту ступень сознания и очень много теряет в сравнении с теми живыми людьми, которых воспитала социалистическая действительность.

Рисуя К. Жданкина «силовым человеком» и достаточно резко подчеркивая это, Ф. Панферов ставит его иной раз над массой и не столько в смысле идейного превосходства К. Жданкина, сколько в плане неправильного отношения к «мужичьей толпе».

КОНФЕРЕНЦИЯ по художественному ВЕЩАНИЮ

Всесоюзную конференцию по художественному вещанию проводит в апреле Центральный радиокомитет. Основная задача конференции — обмен опытом работников центрального и местного художественного вещания.

Работа писателя и драматурга на радио ведется по всей вероятности, одним из центральных вопросов конференции, поэтому необходимо широко привлечь драматургов и писателей к участию в работах конференции.

Вот время, когда занимала известную Гаятоса и заная — граф А. П. Гоголь, впоследствии обер-прокурор сената. С Толстым Гоголь был в дружеских отношениях и, поселившись у него в конце 1848 г., прожил в этом доме с более или менее продолжительными перерывами до самой смерти.

В просторной передней, прямо против входа — приземистые колонны, между ними — деревянная лестница на второй этаж. Гоголевские комнаты внизу, направо и налево от лестницы. Сюда к Гоголю приезжал тогда еще начинающий Тургенев знакомиться с прославленным писателем; Сергей и Иван Аксаковы, Тургенев и актеры Шенкин, Садовский и Шумский слушали здесь авторское чтение «Ревизора».

В этом особняке Гоголь прожил своей жизни, годы физического и психического распада. Мучительно работал над вторым томом «Полтавы» Чичикова, вел душевные беседы, молился и лишился, глубокой ночью, нездорового до смерти, в припадке религиозного психоза снег законченную рукопись второго тома «Мертвых душ».

Если наружный вид дома со времени Гоголя остался без изменений, то внутри от прежнего — только передняя, массивные арки и холодные комнаты. Какие именно комнаты занимал Гоголь, как они были обставлены, сейчас можно восстановить только по воспоминаниям современников, не всегда точным и подробным.

Его рабочий кабинет был достаточно светлым и просторным угловой комнаты в правой половине дома — два окна на двор, два на бульвар. Обстановка ее, как описывает современник — стол, диван, кресла и высокая красного дерева

„ВЕРШИНЫ СЧАСТЬЯ“ В ТЕАТРЕ ВЦСПС

Московский драматический театр ВЦСПС усиленно готовится постановке пьесы Джон Дос-Пассоса «Вершины счастья».

Театр ВЦСПС ставит эту пьесу в авторизованном переводе Вал. Стенция. Постановка художественного руководителя театра режиссера Алексея Дикого. Режиссер-ассистент — Конст. Кочин. Режиссеры-лаборанты — Д. Мееров, А. Мдузов.

Центральные роли исполняют: Уралский, Сергеева, Никандров, Янукова, Орлов, Васильев, Шеллов, Федоров, Ястребский, Шелпутин, Орлова, Ильинская, Бойко.

Премьера в первой половине апреля.

„ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ“ В ТЕАТРЕ ИМ. ВАХТАНГОВА

Московский драматический театр имени Вахтангова усиленно готовится постановке пьесы Жан-Поль Сартра «Человеческая комедия».

Театр имени Вахтангова ставит эту пьесу в авторизованном переводе Вал. Стенция. Постановка художественного руководителя театра режиссера Алексея Дикого. Режиссер-ассистент — Конст. Кочин. Режиссеры-лаборанты — Д. Мееров, А. Мдузов.

Центральные роли исполняют: Уралский, Сергеева, Никандров, Янукова, Орлов, Васильев, Шеллов, Федоров, Ястребский, Шелпутин, Орлова, Ильинская, Бойко.

Премьера в первой половине апреля.

БЕСЕДА С ПОСТАНОВЩИКОМ А. КОЗЛОВСКИМ

ни, буржуазно, переживающую период своего расцвета, богему, мечтающую о славе как источнике «красивой жизни», погруженную в безделье, красноречивую и бездельную, бюрократию, в руках которой находится государственный аппарат правосудия.

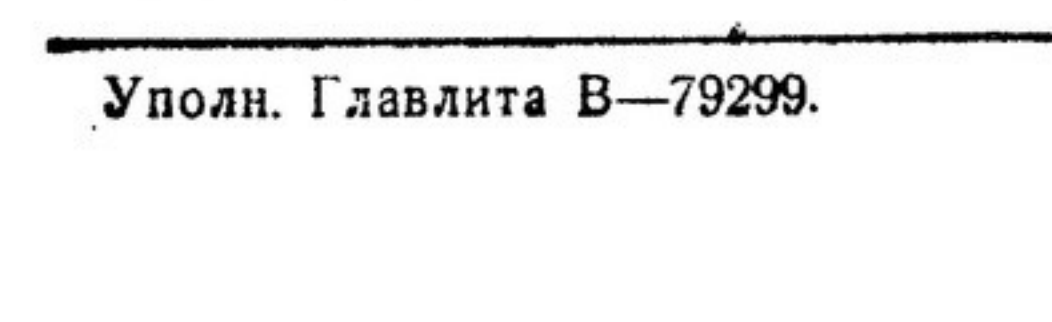
Во всех произведениях Балзак, которые использованы нами для пьесы, фигурируют два основных фактора: деньги и Париж, что и должно найти свое отражение и в пьесе и в постановке. Сам Балзак был рабом денег. Долги заставляли его работать по 16 часов в сутки.

В его произведениях нет почти ни одного героя, у которого он не выворачивал бы карман для читателя и точно не подсчитывал бы его доходы. В первом, втором, третьем и частично четвертом актах звенят деньги. Начиная с Кристофа в пансионе Воке и кончая Шолье, все считают деньги. Растиньяк же идет на преступление и гибнет из-за денег и т. д. и т. п.

Второй фактор — балзовские романы — Париж. Как и через что Париж показывается у нас в спектакле? Во-первых, через монологи действующих лиц, во-вторых, через художника (Исаак Рабинович); во многих картинах мы даем панораму балзовского Парижа, но не как статическую картину, а как эмоциональный активный фон действия, причем, строя пьесу, мы стремимся дать контрасты блеска и труппы Парижа; наконец, через композитора (Д. Шостаковича). Основной темой музыки мы избрали тему Парижа того времени.

Переходя к рассмотрению специфических вопросов постановки спектакля, следует отметить, что сама пьеса в ее последней редакции построена по принципу замкнутости.

Итак: социальная насыщенность, четкость мизансцен, мастерство актера, музыкальность и настоящая темпераментность — вот наши требования к самим себе и к актерам.

А. Д. КОЗЛОВСКИЙ.

— Основной вопрос, возникающий перед театром, — это вопрос о сущности балзовского творчества.

Ключом к пониманию Балзак для нас послужили письма Зигельда к Маргарет Гаркис. Из этой переписки по-новому выясняются истоки и природа творчества Балзак. Балзак для нас прозвучал как писатель утверждающийся буржуазии, который понимал и знал, что основным стержнем классовой борьбы его времени была победа буржуазии над земледельческой и родовой аристократией и что ключ к этой победе — деньги, которые являются еще конца безымянным, бесплодным героем сочинений Балзак.

Социальная значимость произведений Балзак, сила его иронии и темперамента — вот моменты, которые в первую очередь останавливают наше внимание, а драматичность и сценичность его произведений вызывают желание показать Балзак на сцене.

Мы старались четко разграничить действующие в его произведениях деньги по их социальной природе и охарактеризовать эти группы: аристократию, выродившуюся, уходящую с исторической арены класс, для которого весь смысл жизни в праздности и в наслажде-

ни, буржуазно, переживающую период своего расцвета, богему, мечтающую о славе как источнике «красивой жизни», погруженную в безделье, красноречивую и бездельную, бюрократию, в руках которой находится государственный аппарат правосудия.

Во всех произведениях Балзак, которые использованы нами для пьесы, фигурируют два основных фактора: деньги и Париж, что и должно найти свое отражение и в пьесе и в постановке. Сам Балзак был рабом денег. Долги заставляли его работать по 16 часов в сутки.

В его произведениях нет почти ни одного героя, у которого он не выворачивал бы карман для читателя и точно не подсчитывал бы его доходы. В первом, втором, третьем и частично четвертом актах звенят деньги. Начиная с Кристофа в пансионе Воке и кончая Шолье, все считают деньги. Растиньяк же идет на преступление и гибнет из-за денег и т. д. и т. п.

Второй фактор — балзовские романы — Париж. Как и через что Париж показывается у нас в спектакле? Во-первых, через монологи действующих лиц, во-вторых, через художника (Исаак Рабинович); во многих картинах мы даем панораму балзовского Парижа, но не как статическую картину, а как эмоциональный активный фон действия, причем, строя пьесу, мы стремимся дать контрасты блеска и труппы Парижа; наконец, через композитора (Д. Шостаковича). Основной темой музыки мы избрали тему Парижа того времени.

Переходя к рассмотрению специфических вопросов постановки спектакля, следует отметить, что сама пьеса в ее последней редакции построена по принципу замкнутости.

Итак: социальная насыщенность, четкость мизансцен, мастерство актера, музыкальность и настоящая темпераментность — вот наши требования к самим себе и к актерам.

Вот время, когда занимала известную Гаятоса и заная — граф А. П. Гоголь, впоследствии обер-прокурор сената. С Толстым Гоголь был в дружеских отношениях и, поселившись у него в конце 1848 г., прожил в этом доме с более или менее продолжительными перерывами до самой смерти.

В просторной передней, прямо против входа — приземистые колонны, между ними — деревянная лестница на второй этаж. Гоголевские комнаты внизу, направо и налево от лестницы. Сюда к Гоголю приезжал тогда еще начинающий Тургенев знакомиться с прославленным писателем; Сергей и Иван Аксаковы, Тургенев и актеры Шенкин, Садовский и Шумский слушали здесь авторское чтение «Ревизора».

В этом особняке Гоголь прожил своей жизни, годы физического и психического распада. Мучительно работал над вторым томом «Полтавы» Чичикова, вел душевные беседы, молился и лишился, глубокой ночью, нездорового до смерти, в припадке религиозного психоза снег законченную рукопись второго тома «Мертвых душ».

Если наружный вид дома со времени Гоголя остался без изменений, то внутри от прежнего — только передняя, массивные арки и холодные комнаты. Какие именно комнаты занимал Гоголь, как они были обставлены, сейчас можно восстановить только по воспоминаниям современников, не всегда точным и подробным.

Его рабочий кабинет был достаточно светлым и просторным угловой комнаты в правой половине дома — два окна на двор, два на бульвар. Обстановка ее, как описывает современник — стол, диван, кресла и высокая красного дерева

конторка с покатым фасадом, закрытой заслонкой сукном. За этой конторкой стоял рабочий Гоголь.

Умер Гоголь в другой половине дома, левой, и также, вероятно, в угловой комнате, окнами во двор. Прямых указаний об этом современники не оставили. Еще более расплывчатые их указания на то, где были сожжены «Мертвые души». В этой половине дома три камин, и ни один из них не похож на ту печь, о которой писал Погодин, или

Сегодня в клубе типографии «Красный пролетарий» открывается персональная выставка работ художника А. И. Кравченко, организуемая «Всесоюзхудожником».

Выставлено 114 гравюр и рисунков. Экспозиция выставки представляет творческий путь художника в основных его этапах.

По четным числам лекторы-экспонаты будут проводить с рабочими-зрителем экскурсии-беседы.

«Человек меняет кожу», — ч. 1 романа Б. Ясенского вышла в издательстве «Советская литература» массовым изданием.

«Великий или Тихий» — книга В. Лидина выпускается «Советской литературой» массовым изданием.

«Записки о будущей японско-американской войне» — книга японского писателя Кисюку Фукунага со вступительной статьей К. Радека вышла в Государственном военном издательстве.

«Восна» — повесть Д. Стонова о политотделе вышла в издательстве «Советская литература».

«Рассказы» А. Гарри вышли в издательстве Жургазобъединения в серии библиотечки «Огонек».

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якутской тайге», гражданская война на Севере, воспоминания участника.

В издательстве «Молодая гвардия» вышли новые книги:

Н. Шкляр — «Черное озеро», сборник рассказов о дореволюционной школе.

И. Мильчик — «За николаевским шлагбаумом», воспоминания о рабочем революционном движении и политических тюрьмах и ссылках царской России.

Б. Корнилов — «Триполье», поэма о трипольской трагедии.

И. Стрел — «В якут